

УДК 94 (571.1/.5)

Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления*

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Хотя Сибирь продемонстрировала законодательные особенности в отношении еврейского населения, в целом формирование органов еврейского общинного самоуправления шло в общероссийском русле. Общины управлялись духовными правлениями, состоявшими из старосты, ученого еврея, объяснявшего спорные моменты религиозного учения, и казначея, хотя Министерство внутренних дел и опасалось существования духовных правлений за Уралом. На рубеже XIX–XX вв. в соответствии с новыми правилами устройства еврейских молитвенных учреждений в Сибири произошла повсеместная замена духовных правлений хозяйственными. Общинное самоуправление в Забайкалье, в свою очередь, от всех сибирских общин отличалось некоторыми нюансами: отсутствием затяжных конфликтов как почти обязательного этапа становления общинного организма; трудностями формирования органов общинного самоуправления из-за отсутствия грамотных людей; более поздним его становлением и замедленным развитием.

Ключевые слова: еврейская община, духовное правление, староста, раввин, резник, хозяйственное правление.

Во второй половине XIX в. сложившиеся в Сибири этнические сообщества евреев уже «обросли» организационными структурами, что позволяет говорить о еврейской общине как социальном организме. При наличии соответствующей инфраструктуры община фактически становилась таковой даже без ее официального признания.

Сибирь относилась к числу местностей, «в коих относительно евреев» были установлены особые ограничительные правила причисления к тому или иному населенному пункту и передвижения по региону: региональная власть опасалась роста еврейского населения и его пагубного влияния на «неразвитое» сибирское общество [6, с. 396]. Предполагалось, что и общинное самоуправление здесь будет отличаться от регламентированного «Уставом духовных дел иностранных исповеданий», в соответствии с которым община управлялась духовным правлением. По-видимому, в самом слове «духовный» властям виделась угроза прозелитизма. Во всяком случае Министерство внутренних дел требовало от сибирских молитвенных обществ

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0002 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество».

замены духовных правлений хозяйственными. По внимательном прочтении закона выяснялось, что требование создания хозяйственного правления при молитвенном доме касается только обществ, созданных за чертой еврейской оседлости после 1877 г. – года издания временных правил по управлению молитвенными учреждениями вне черты оседлости [13, с. 1094]. Но и образованные после этой даты сибирские общины вопреки закону начали свое организационное оформление с избрания духовных правлений [7, с. 258; 1, с. 177; 12, с. 116], причем с разрешения губернской власти. Пренебрежение министерскими распоряжениями, скорее всего, диктовалось «привычкой к привычному»: функции хозяйственного правления были малопонятны и власти, и самому еврейскому обществу. На уровне городского управления между старыми и новыми органами общинного самоуправления вообще не видели разницы, считая, что в обязанности духовного правления входит надзор за действиями и порядком евреев в молитвенной школе, соблюдение интересов общества при сборе – расходе финансовых средств и ведение метрических книг [4, оп. 2, д. 730, л. 25]. В том случае, если выборные органы общины эти функции выполняли (а они их выполняли), «формат» общинного самоуправления мало кого волновал.

Духовное правление общин избиралось раз в трехлетие на собрании их законных членом закрытым голосованием из состава самых уважаемых прихожан. «Законными» считались только члены общины, регулярно уплачивающие взносы в ее кассу и потому имеющие право голоса на общинных собраниях. Сроки выборов определялись губернским/областным правлением. На собрании всегда присутствовал чиновник городского или полицейского управления, который следил за соблюдением законности выборов. Результаты утверждались губернской властью.

Для принятия решения на собрании необходимо было присутствие двух третей законных членом. При отсутствии кворума в следующий раз собрание проводилось при явке любого числа прихожан, за исключением случаев, когда предполагалось заслушать отчет членом правления или выбрать новых. Бывало, что собрания переносились по несколько раз. В Верхнеудинске, например, из-за неявки законных членом общины избрать правление не могли месяцами. В Красноярске ввиду отсутствия необходимого числа выборщиков община в течение двух лет фактически находилась в состоянии безвластия: в губернии отказались утверждать решение, принятое от силы одной десятой глав живущих в Красноярске семей. Даже городская и мещанская управы убеждали губернское правление, что решение утвердить придется, поскольку собрать больше вряд ли удастся [5, д. 2, л. 13–16; 4, д. 166, л. 51, 125–127].

Подобная «недисциплинированность» была фактически заложена особенностями правового положения евреев в Сибири. Лишенные возможности свободно перемещаться по территории региона, они каждый раз добивались специального разрешения на выезд из места причисления по коммерческим делам. В том случае, если предполагалась длительная отлучка, разрешение приходилось получать у губернатора. Поэтому, когда оно все-таки было по-

лучено, счастливцев покидал свой город или селение без тени сомнения – даже если в его отсутствие предполагалось проведение собрания.

Духовное правление состояло из трех человек: старосты (габа), возглавлявшего работу общины, ученого еврея – для объяснения спорных моментов религиозного учения или религиозных обрядов и казначея (неймана). Если у общины был раввин, он автоматически входил в состав правления. Кроме выборных должностных лиц, при молитвенном заведении по найму работали трапезник, ведавший порядком в синагоге и помогавший раввину во время богослужения, и резник, забивавший скот в соответствии с еврейской религиозной традицией. (В источниках его, как правило, называют резаккой, и это понятие переключалось в работы исследователей.) На первых порах, а в некоторых общинах довольно продолжительное время, резник фактически представлял собой все ее правление, так как за отсутствием раввина и других духовных лиц он заменял их всех. В частности, когда из Мариинска резник был выслан как не имевший права жительства в Сибири, полноценная религиозная жизнь там практически остановилась: некому не только было обеспечивать общину кошерным продуктом, но даже провести обряд обрезания и наречения именем младенца [1, с. 178].

В 1890-е гг. духовное правление как форма общинного самоуправления почти повсеместно в Сибири в административном порядке сменилось хозяйственным – «с тем чтобы в нем не было допускаемо установленных законом для духовных правлений должностей ученого, старосты и казначея» [4, д. 2733, л. 87–88]. Этот орган, как было оговорено Высочайше утвержденным положением Комитета министров, также избирался на трехлетие и состоял из председателя правления и его членов. В таком виде правления существовали вплоть до их ликвидации. За основу положения о хозяйственном правлении были взяты Временные правила для еврейских молитвенных учреждений Санкт-Петербурга – со скидкой на размер денежного взноса для участия в его выборах и число его членов. (Временными правилами определялась сумма взноса в 25 руб. – совершенно неподъемная для большинства сибирских евреев – и правление в составе шести членов и трех кандидатов, что для немногочисленных общин в небольших городах также было трудно-выполнимо.) Правление заведовало всеми хозяйственными делами общины: строительством, ремонтом, арендой земли и помещений, обучением детей и благотворительными делами. Практически оно выполняло все обязанности духовного правления, только его должностные лица стали называться иначе. Государство пыталось ликвидировать «обособленность» евреев, встроив еврейские общины в общую систему самоуправления, хотя специальным «еврейским» законодательством эту обособленность фактически само и консервировало. Должность раввина осталась в неприкосновенности, однако он был не духовным лидером общины, а фактически чиновником, исполнявшим важную государственную функцию по учету еврейского населения во избежание его уклонения от воинской повинности. В числе предъявлявшихся к нему требований было совершенное знание русского языка, поэтому наличия светского (университетского или гимназического) образования в Сибири было вполне достаточно, чтобы занять раввинскую должность.

Нестандартная ситуация сложилась в Томске, где одновременно сосуществовали хозяйственные правления каждого молитвенного заведения и единое духовное правление, включавшее в себя представителей всех молитвенных учреждений и раввина. Сферы деятельности они разделили так: хозяйственные правления обеспечивали функционирование каждого отдельного молитвенного заведения, а духовное управляло внутренней жизнью всей еврейской общины – от решения спорных вопросов до взаимодействия с губернской властью [1, с. 181; 14, с. 21].

На фоне «особости» еврейской жизни в Сибири, продиктованной региональным вариантом еврейского законодательства и спецификой формирования здесь еврейского общества, Забайкалье, в свою очередь, демонстрировало и свои нюансы общинной жизни, и собственные способы формирования органов общинного самоуправления. Обозначим эти отличия и попытаемся дать этому какое-то объяснение. Во-первых, забайкальские общины избежали внутриобщинной борьбы за влияние на умы единоверцев и доступ к общинной кассе, которая была почти неизменным этапом формирования органов общинного самоуправления в Сибири. По крайней мере, имевшиеся в нашем распоряжении документы не обнаруживают в области признаков сколько-нибудь серьезных внутриобщинных разногласий, тогда как, например, в Красноярске и Иркутске еврейское общество сотрясали затяжные конфликты, иной раз даже выходявшие за пределы общины и втягивавшие в себя городское управление [7, с. 263–271]. Проще всего, казалось бы, объяснить это тем фактом, что забайкальские общины из-за своего более позднего оформления «проскочили» период старостинского правления, когда при отсутствии традиций коллегиального решения вопросов общиной фактически единолично управлял избранный (или самовольно определивший себя на эту должность) староста. Однако в это объяснение не совсем вписываются общины Каинска, где староста жестко руководил общиной и при наличии духовного правления, и Якутска, где борьба не закончилась даже с заменой духовного правления хозяйственным [1, с. 179; 10, д. 3005, л. 1–2, 5–6]. Причем, если в первом случае духовное правление просто не смогло противостоять авторитарности старосты, то во втором причиной конфликтов, наоборот, стало отсутствие авторитетного лидера, способного прекратить распри.

Судя по тому что в Забайкалье общиной длительное время руководили одни и те же лица, которых никто не стремился сместить, тут были люди, пользующиеся безусловным влиянием на единоверцев и радеющие об их интересах. В течение двух десятилетий несменяемым старостой Верхнеудинской общины был купец 2-й гильдии Иосиф Розенштейн. В Баргузинской общине первый орган общинного самоуправления – хозяйственное правление – появился лишь в 1905 г. До этого времени порядок в молитвенном обществе держался усилиями купца 1-й гильдии Абрама Новомейского, против чего, по-видимому, никто не возражал, тем более что община в значительной степени содержалась на его средства [7, с. 272]. Отсутствие же внутриобщинных конфликтов в Чите, где ротация членов духовного правления, напротив, была достаточно интенсивной, можно объяснить самодо-

статочностью и зажиточностью местного еврейского купечества, у которого не было необходимости самоутверждаться через борьбу за должность в органах общинного самоуправления. (В Забайкалье, остро нуждавшемся в быстрой капитализации ввиду уготованной ему роли плацдарма для упрочения влияния России во Внутренней Азии, еврейские коммерсанты были востребованы властью как «носители» рыночных отношений, что во многом и определило их более значительную, чем где бы то ни было, роль в местной экономике.) Напротив, некоторые купцы добровольно отказывались от чести быть избранными, рассматривая службу общине как своего рода повинность, которую должны в равной мере нести все, а не одни и те же [2, д. 2794, л. 9–11, 27].

Во-вторых, особенным был сам первоначальный «контингент» общинников, в числе которых трудно было найти более или менее грамотного человека, способного работать в духовном правлении. Утверждение в должности ученого еврея Читинского молитвенного общества человека, по его собственному признанию, малограмотного, «способного лишь по-русски подписать свою фамилию, по-еврейски знающего одни молитвы», а «делать переводы с древнееврейского на русский или даже собственный жаргон (идиш. – *Л. К.*) положительно не в состоянии», не смутило правление молельни: «...в Чите евреев, сколько-нибудь знающих учение своей веры, очень немного, если не сказать – нет совсем, и все служившие прежде – так же люди очень мало знающие» [2, д. 2403, л. 12]. Кадровый голод в той или иной степени был присущ всем общинам, но в Забайкалье это ощущалось особенно остро. Если ядром, к примеру, иркутской общины были отслужившие в армии «евреи из нижних чинов», которые и ходатайствовали об устройстве в городе молельни, а в Томске отставные нижние чины из бывших кантонистов, на свои средства выстроившие синагогу, были весьма влиятельной частью местной общины [3, д. 1022, л. 8; 9, с. 80–81], то еврейские общины Забайкалья со всей управленческой атрибутикой формировались из числа ссыльных в первом-втором поколении. (Такая же картина, впрочем, наблюдалась и в Якутске.) Это было следствием Высочайше утвержденного указа от 15 мая 1837 г., предписывавшего, чтобы сосланных в Сибирь евреев водворяли особыми поселениями только в Якутской области и за Байкалом [13, с. 411].

В-третьих, новые веяния общинного самоуправления достигали Забайкальской области с большим опозданием. Военные губернаторы молодого административно-территориального образования, появившегося практически одновременно с формированием еврейских общин в Сибири, не сразу могли сориентироваться в хитросплетениях чередой следовавших изменений в сибирском «еврейском» законодательстве, тем более что расхождение между общеобязательной юридической нормой и реальной административной практикой в пределах конкретного региона было весьма существенным [8, с. 66]. Военный губернатор М. П. Хорошхин пребывал в сомнениях о необходимости раввина как должностного лица еврейской общины в начале 1890-х гг., когда в других общинах Сибири раввины уже исправно исполня-

ли возложенные на них государством обязанности и даже Забайкальское областное правление дозрело до признания раввина необходимой фигурой в еврейском общинном самоуправлении [7, с. 279]. В среднем на десять лет позже, чем в других общинах на территории Сибири, духовное правление в Забайкалье было заменено хозяйственным. Даже в Якутской области хозяйственное правление было избрано одновременно с другими сибирскими общинами, хотя иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин признал его избрание преждевременным [11, д. 1688, л. 11, 16–17].

Таким образом, несмотря на особенности правового положения сибирских евреев, определенного наличием касавшегося их специального законодательства, структура и порядок избрания органов общинного самоуправления в Сибири в целом копировали таковые в черте еврейской оседлости. Однако Забайкалье на фоне других сибирских территорий выделялось присущими ему особенностями формирования общинного самоуправления, что объяснялось отдаленностью региона, спецификой формирования еврейского общества в области и его более значительной, чем в других областях и губерниях, ролью в экономическом и культурном развитии края.

Список литературы

1. *Галашова Н. Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 10. – Красноярск : Краснояр. писатель, 2006. – 242 с.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 196. Оп. 1.
6. *Кальмина Л. В.* Закон 12 июня 1860 г. как результат провала сибирской «еврейской» законодательной политики 1837 г. // Материалы XIII ежегодн. Междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. Акад. сер. Вып. 20. – М., 2006. – С. 393–399.
7. *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.) / Л. В. Кальмина. – Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.
8. *Кальмина Л. В.* «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области / Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. – 184 с.
9. *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с.
10. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 12-и.
11. НАРС (Я). Ф. 165-и.
12. *Орехова Н. А.* Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.) / Н. А. Орехова, Я. М. Кофман // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Вып. 5 (27). – Красноярск : Краснояр. писатель, 2009. – 328 с.
13. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени от 1649–1873 гг. Извлечение из Полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. В. О. Леванда. – СПб. : Тип. К. В. Трубникова, 1874. – 1158 с.

14. Ульянова О. С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. С. Ульянова. – Томск, 2009. – 27 с.

Jewish Community in Transbaikalia: Peculiarities of the Regional Self-Government

L. V. Kalmina

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. Despite some legislative peculiarities were revealed in Siberia towards Jewish population, local self-government in the Jewish community was formed regarding general tendencies. Communities were administrated by ecclesiastical councils that consisted of a churchwarden, a scholarly Jew, who explained religious doctrine, and a provisor, though the Ministry of Internal Affairs was uptight about ecclesiastical councils beyond the Urals. At the turn of the XIXth–XXth centuries under the new regulations on establishment of Jewish prayer houses in Siberia, ecclesiastical councils were replaced by the facilities administrations. Whereas community self-government in Transbaikalia was characterized by some peculiarities: there were not long lasted conflicts as almost obligatory stage in community development, difficulties in formation of local self-government due to a large proportion of illiterate people, late establishment of the community self-government and its retarded development.

Keywords: Jewish Community, ecclesiastical councils, churchwarden, Rabbi, slaughterer, facilities administrations.

Кальмина Лилия Владимировна

*доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)43-35-51
e-mail: kalminal@gmail.com*

Kalmina Liliya Vladimirovna

*Doctor of Sciences (History),
Senior Research Scientist
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude , 670047
tel.: 8(3012)43-35-51
e-mail: kalminal@gmail.com*